

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Фокус-покус

Геннадий Логинов

Фокус-покус

«Издательские решения»

Логинов Г.

Фокус-покус / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856065-1

Общество всегда готово заклевать тех, кто так или иначе отличается от общепринятых «стандартов», будь то отличия во внешнем виде, круге интересов или убеждениях. И в то же время, подобные «аномалии» вызывают у общества определённый интерес. Так или иначе, каждый сам должен ответить для себя на вопрос, где в цирке уродов находятся настоящие монстры: на арене или в зрительском зале.

ISBN 978-5-44-856065-1

© Логинов Г.
© Издательские решения

Фокус-покус

Геннадий Логинов

Шахматы беспощадны. Ты должен быть готов убивать
Алексей Широ

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4485-6065-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выступления «Мистического цирка Чезаре Великолепного» всегда привлекали к себе широкое внимание общественности. Жонглёры и акробаты, эквилибристы и клоуны, шпаго- и огнеглотатели, силачи и фокусники, дрессировщики и наездники отличались здесь поистине невиданным мастерством. Ведь, согласитесь, далеко не в каждом бродячем цирке можно встретить одарённого трюкача, способного проехаться на одноколёсном велосипеде по натянутому шпагату без страховки, держа на своей голове целую кучу народа. И не везде найдётся силач, способный взять в рот пригоршню гвоздей, разжевав их и выплюнув спрессованными и погнутыми до неузнаваемости.

Здесь также имелись различные аттракционы, будь то обычные карусели, комната кривых зеркал, комната страха или зал восковых фигур; гадалки и музыканты, такие, как Загадочная Эльвира и Человек-Оркестр; многочисленные яркие палатки, торговавшие всевозможными сладостями, наподобие леденцов и конфет, и различными безделушками, вроде свистулёк, трещоток и масок.

Немалый интерес у почтенной публики всегда вызывали автоматы, заводные механизмы различной степени сложности, начиная от бьющих в тарелки кукол, ходячих статуй и задирающих ноги танцовщиц, зазывавших гостей на представление; золотистых кричающих уточек, синхронно выделявавших сложные действия в специальном бассейне; раскрывающих искусственные хвосты павлинов, – и заканчивая редкими экземплярами, способными писать картины, играть на музыкальных инструментах и даже совершать на выбор более сложные комплексные действия.

Среди целой плеяды заводных устройств, особой зрительской любовью неизменно пользовался «Индус» – шахматный автомат в виде сурового мужчины в чалме, готового сойтись в игровой баталии с каждым, кто осмелится бросить ему вызов. Таковые всегда находились, а репутация непревзойдённого шахматиста, способного посрамить даже именитых чемпионов, не только не отпугивала игроков, но даже и напротив, была весьма привлекательной. В сущности, за всё время существования бродячего цирка, «Индус» проигрывал только дважды, и оба раза это событие воспринималось как нечто выходящее из ряда вон.

Первый раз «Индус» проиграл партию одному очень высокопоставленному чиновнику, который слыл человеком эксцентричным и оказывал бродячему цирку своё покровительство в обмен на определённые услуги, носившие личный характер. Чиновник имел репутацию заядлого, но весьма посредственного шахматиста, что заставило многих усомниться в натуральности его выигрыша, поскольку до этого автоматон раскалывал без особого труда соперников, превосходивших победителя в разы.

Второй раз «Индус» проиграл самую сложную партию за время своей практики, в неравной битве уступив лавры первенства в шахматах Чезаре Великолепному. На кон в этом случае было поставлено очень многое, и хотя доподлинно неизвестно, чем рисковал сам Чезаре, но факт остаётся фактом: выиграв пари у бывшего владельца цирка, этот загадочный и жуткий

человек с обаянием мефистофелевского типа, возникший в тот знаменательный день словно бы из ниоткуда, стал новым владельцем цирка и первым же делом заменил его название, а следом – и специфику.

Впрочем, помимо двух памятных поражений на счету «Индуса» имелась и одна памятная ничья, сыгранная с циркачом-лилипутом, известным под псевдонимом Фокус-покус. Но это событие, конечно же, нельзя было ставить в один ряд по значимости со случившимся ранее.

Однако мало кто знал, что именно, на самом деле, отличало «Индуса» от прочих автоматов. Перед началом каждой партии Густав, артист-механик, отвечавший за исправность всех автоматов, сначала торжественно представлял «Индуса» и список его побед почтенной публике, демонстрируя восковую статую с множеством проработанных деталей и сочленений, позволявших ей обладать довольно развитой мимикой, открывать рот, двигать глазами, сгибать и передвигать руки, шевелить пальцами и сжимать кисть, а затем – распахивал массивный ящик, заменявший «Индусу» нижнюю половину тела. На верхней части ящика располагалась стилизованная под цирковой манеж шахматная доска с весёлыми разноцветными клетками, имевшими подчёркнуто тёмные и светлые оттенки, и массивными фигурами, в виде силачей, акробатов, факиров, вольтижировщика, шпрыхталмейстера и клоунов – с одной стороны, и разномастных аплодирующих, улыбающихся и смеющихся зрителей – с другой. Ниже находилась дверца, а за ней – перед публикой представал самый сложный механизм со множеством шестерёнок, жгутов и цепочек.

На самом же деле механизм, безусловно, имелся, но тот, что демонстрировался зрителям, отчасти являлся муляжом, за которым скрывался Август – брат-близнец и помощник Густава, по совместительству являющийся профессиональным шахматистом. Сложная система переотражающих зеркал и рычажков позволяла ему наблюдать за обстановкой вокруг, манипулируя мимикой «Индуса» и перестановкой фигур. Отслеживанию ходов способствовало ещё и ухищрение иного рода: на днище каждой фигуры был приделан магнит, в то время как под каждой клеткой был подвешен металлический шарик, и при перестановке фигуры с одного места на другое шарики отлипали и прилипали, семафоря о текущем положении.

Перед каждым ходом «Индуса» Густав демонстративно заводил механизм, давая Августу дополнительное время на раздумье перед ходом, после чего тот, используя рычажки для движения, сгибания, сжатия и разжатия восковых рук автомата, перемещал выбранную фигуру с места на место. В том случае, если «Индус» брал фигуру, совершал шах, мат или какое-либо особое действие, наподобие рокировки, взятия королевы, превращения пешки в иную фигуру или что-нибудь ещё в том же духе, он выражал это мимикой и жестами. К примеру, в случае шаха – три раза кивал, а в том случае, если игрок по ошибке совершал недопустимый ход (допустим, ходил ферзём, как конём, или наоборот) или пытался как-либо сжульничать (переставить фигуру туда, где она не должна находиться или своровать её с доски) – качал головой и прекращал партию.

Иногда он мог и просто решить головоломку на радость публике – к примеру, обойдя всё поле конём так, чтобы тот побывал на каждой клетке не более одного раза.

Когда-то помимо шахматных партий проводились и партии в шашки, но в итоге всё-таки было решено ограничиться шахматами, поскольку для сторонних наблюдателей (плативших уже за сам факт присутствия на игре) шахматные фигуры смотрелись не в пример разнообразнее и интереснее, шахматные партии в среднем длились значительно дольше, а головоломки, задачи и этюды представляли собой увлекательное зрелище для ценителей, решаясь подчас весьма оригинально и различными способами (порой – с использованием правил, которые почти никогда не имели практической ценности в игре, но могли оказаться полезными при решении шахматных задач – например, вертикальная рокировка). Помимо сугубо классического формата игры могли проходить и более экзотично, с использованием необязательных

и редко используемых правил, особых способов расстановки фигур, свежих экспериментов, форы и прочего, что оговаривалось заранее, но это случалось нечасто.

Конечно же, «Индус» не являлся первым изобретением подобного рода, будучи всего лишь одним из многочисленных потомков знаменитого «Турка» Фон Кемпелена, некогда разоблачённого в своей статье ещё Эдгаром Алланом По. Но об этом имели представление лишь люди искушённые. Да и то – по факту, все хитрости, связанные с «Индусом», предназначались исключительно для поддержания иллюзии разумности игрового автомата, в то время как сама игра в шахматы велась честно и без каких-либо ухищрений. Поэтому заяви кто-нибудь во всеуслышание, что за машину на самом деле играет человек, – он поступил бы не лучше, чем тот, кто заявил бы во время постановки «Фауста», что Мефистофель – не гений зла, а всего лишь переодетый актёр. В этом не было никакой подлости, низости или мошенничества, просто того требовали законы представления.

Как бы то ни было, до поры до времени цирк казался волшебным местом, особым миром, существовавшим параллельно с серой обыденностью. Полный ярких красок, улыбок и смеха, он служил развлечению, при этом стараясь доступными средствами сделать мир и людей если и не лучше, то, во всяком случае, веселее и радостнее. Люди, пребывавшие в самом подавленном расположении духа, приходили туда, оставляя свою грусть за порогом, и вскоре мысли о яде и пуле, верёвке и мыле исчезали, подобно каплям воды, унесённым стремительным потоком.

Но с приходом Цезаре Великолепного, имя и происхождение которого оставалось загадкой даже для обитателей цирка, многое изменилось не в самую лучшую сторону. Конечно, говоря исключительно о финансовом положении дел, нельзя было не отметить, что обновлённый цирк, безусловно, являлся более прибыльным. Но, как известно, не всё в этой жизни измеряется лишь деньгами. Некоторые работники ушли, не желая мириться со сложившимся положением дел, но подавляющему большинству просто некуда было деваться.

Особым спросом пользовалась так называемая «Коллекция изящных уродств», для пополнения которой труппа кочевала по миру, находя необычных людей и животных (живых, и не очень), никогда не задерживаясь на одном месте подолгу. Великаны и лилипуты, бородастые женщины и гермафродиты, обладатели рудиментарных хвостов, сиамские близнецы и люди, покрытые густой шерстью с ног до головы, выглядели на общем фоне наиболее заурядными представителями этой части представления. В массе – это были люди замечательной души, но озлобленного характера, формировавшегося в условиях циничной жестокости окружающих.

Многими годами позднее подобного рода увеселения были повсеместно закрыты, как унижающие честь и достоинство человеческой личности, что, с одной стороны, было, безусловно, правильно, но вместе с тем оставило без средств к существованию множество людей, не имеющих возможности заниматься в своей жизни чем-либо ещё.

Среди посетителей цирка, приходивших поглазеть на тех, кто чем-то разительно от них отличался, потыкать пальцами и посмеяться всласть над чужим горем либо с задором покричать, наблюдая за стравливанием необычных животных, было и немало таких, кто за пределами этих мест любил порассуждать вслух об упадке морали и нравов, почитая себя за культурного и высокодуховного джентльмена или леди.

Фокус-покус никогда не понимал, какая загадочная сила привлекает зрителей, подобно магниту, заставляя их насмехаться над всяким, кто внешне сильно отличается от них самих. Казалось бы, ну что забавного может быть в том, что человек имеет слишком высокий или, напротив, слишком маленький рост относительно подавляющей массы окружающих? Возможно, здесь работал тот же принцип, что порождал травлю в любых сообществах, будь то учебное заведение или воинская часть. Люди консолидировались против кого-то не похожего на них внешностью, происхождением или характером, желая, с одной стороны, ощутить себя

на ступень выше кого-либо в социальной иерархии и вместе с тем не сделаться объектом для унижения самому. Похожим образом консьержка, имевшая возможность осложнить жизнь другим, начинала создавать людям проблемы на пустом месте, возомнив из себя Цезаря от власти: пускать или не пускать кого-либо в дом (на законном или незаконном основании – вопрос другой).

В основе подлости лежал банальный страх оказаться ниже, слабее и хуже кого-либо, очутившись на обочине жизни (как бессознательно мерещилось моральным уродам и слабакам), страх, на который один за другим наслаивались уже и прочие негативные черты, будь то завистливость, алчность, гордыня, насмешливость и прочая дрянь. Всеми виной был страх, породивший желание обзавестись «обязательными» внешними атрибутами «сильной личности», для того чтобы что-то доказать окружающим и в первую очередь себе лично. Но ни школьные хулиганы-задиры, искавшие себе мальчиков и девочек для битья, ни заурядное хамло, в изобилии встречающееся даже в самых культурных городах планеты, ни великосветская чернь, смердящие души которой источали не заглушаемое аристократическими манерами зловоние, ни за что не признались бы себе в этом открыто.

Как бы то ни было, Фокус-покус был человеком без комплексов. Он любил и ценил мир таким, какой он есть, принимая и уважая себя таким, какой он есть. И, выходя на манеж, он развлекал собравшихся короткими выступлениями между номерами, зная как никто другой, что истинные уроды не выступают посреди шапито и не кочуют из города в город в караване из разноцветных фургонов, а сидят на оплаченных местах и насмешливо тычут пальцами в артистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.